

способствует преодолению клише и эпигонства. Стоит ли говорить о том, сколь субъективен подобный подход и сколь спорны его возможные результаты? Отмечу еще, что разнородность феноменов, к которым обратились Тынянов и Эйхенбаум, рассматриваемых ими как составляющие «жизни литературы», таит особые опасности для подобных построений, но к этому аспекту имеет смысл обратиться несколько ниже.

Пока же рассмотрим конкретные замечания Эйхенбаума о роли кружков в начале XIX столетия, сделанные в предисловии к той же книге Аронсона и Рейсера. Особенно поспешен и категоричен Эйхенбаум в своих выводах относительно предыстории кружков и салонов этой эпохи, что отчасти объясняется (и извиняется) степенью научной разработанности вопроса в его время:

Литературные кружки и салоны особенно характерны для русской культуры начала XIX в. Они существовали в быту, конечно, и до этого, но не имели значения литературного факта. Домашние альбомы наводнялись стихами, но за пределы альбомов стихи эти не шли. В начале XIX в. эти «домашние» формы поэзии, в связи с отходом от придворной оды, используются как литературное новаторство, как новый жанр, а вместе с этим приобретают новое литературно-бытовое значение и самые формы кружкового или салонного общения. Основной стиховой жанр этой эпохи — «альбомная» лирика, а основной тип литератора — поэт-дилетант, не стремя-